

Н. Ф. ИВАНОВА

«Живая повесть на обрывках дней» (к истории чеховских музеев)

Мы редко задумываемся, с чего начиналось создание чеховских музеев, которые сегодня пользуются такой популярностью. Знаем мало, пользуемся информацией из вторых и третьих рук, а незнание оборачивается аберрациями и мифами, а иногда — откровенной ложью и даже клеветой.

Наиболее известные сегодня работы, посвященные этой теме, — «История Дома-музея в Ялте по материалам Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина» * Ю. П. Благоволиной и часть большого труда К. М. Виноградовой «Из истории Дома-музея А. П. Чехова в Москве» **.

В силу многих причин обе работы неполны, а порой и просто неточны. Ю. П. Благоволина закончила свою статью так: «Архивные фонды Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина представляют большой интерес не только для тех, кто изучает историю Дома-музея А. П. Чехова в Ялте. В названных архивах много ценнейших материалов по истории музея А. П. Чехова в Москве, который, как известно, положил начало основанию Государственного литературного музея, материалов по истории музеев Чехова в Таганроге и в Сумах и по истории, а точнее, предыстории Мелиховского музея. Материалы эти, пока, к сожалению, почти не использовались и ждут своего исследователя» ***. Они продолжают ждать его и по сей день. Эта статья — первые подступы к теме.

Мы остановимся на одной из самых первых страниц истории чеховских музеев, связанных с именем Евгения Эмильевича Лейтнеккера,

---

* Благоволина Ю. П. История Дома-музея в Ялте по материалам Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина // Чеховские чтения в Ялте. М., 1973. С. 142–154.

** Виноградова К. М. Из истории Дома-музея А. П. Чехова в Москве // Чеховиана. Мелиховские труды и дни. М., 1995. С. 334–356.

*** Благоволина Ю. П. Указ. соч. С. 135.

которое сегодня знакомо немногим. Его практически невозможно встретить ни в экспозициях чеховских музеев, ни в научных сборниках, ни в статьях, посвященных исследованию жизни и творчества Чехова*.

В одном из первых изданий книги легендарного директора Мелиховского музея Ю. К. Авдеева «В чеховском Мелихове» (1984) было несколько страничек с рассказом об Объединенном Всероссийском Чеховском музее и его директоре Е. Э. Лейтнеккере, об организации им первой массовой экскурсии в Мелихово 20 июля 1924 года и торжественном заседании, посвященном 20-летию со дня смерти А. П. Чехова, где им был прочитан доклад**; рассказывалось и об организованной Лейтнеккером экскурсии мелиховских крестьян в Москву, во МХАТ, однако во всех последующих изданиях эти странички из книги были убраны, надо полагать, в силу сложившейся тогда конъюнктуры, не вошли они и в посмертно выпущенную книгу Авдеева (2004 г.).

Что же мы сегодня можем и должны знать о Евгении Эмильевиче Лейтнеккере, настоящем подвижнике музейного дела?

Родился Е. Э. Лейтнеккер в 1888 году, после окончания Томской гимназии поступил на юридический факультет Петербургского университета***. Однако университет из-за прогрессирующего туберкулеза, которым он заболел в Петербурге, пришлось заканчивать экстерном. Его отправили лечиться сначала в Батум, а затем перевезли в крайне тяжелом состоянии в Ялту. Здесь здоровье постепенно начало улучшаться, но о возвращении в Петербург не могло и быть речи. Нужно было искать работу в Крыму. Лейтнеккер стал сначала научным сотрудником в Ялтинском краеведче-

---

* Исключение, пожалуй, составляет несколько раз продублированная в разных изданиях публикация записок С. М. Чехова, племянника писателя, подготовленная Г. А. Шалюгиным — сотрудником и в 1984–2006 гг. директором Дома-музея А. П. Чехова в Ялте. В этих воспоминаниях имя Лейтнеккера упоминается крайне негативно, о чем подробнее будет сказано ниже. См.: Чеховские чтения в Ялте: Чехов и XX век. Сб. науч. тр. Выпуск 9. М., 1997. С. 234–246; Шалюгин Г. А. Чехов: «Жизнь, которой мы не знаем»... Статьи, очерки, публикации. Симферополь, 2004. Изд. 1-е. С. 244–247; Изд. 2-е, доп. С. 265–268.

** Об этом Е. Э. Лейтнеккер сообщал 23.VII.1924 года в письме М. П. Чеховой: «20 июля из Москвы отправилась в Мелихово большая экскурсия. Прошла она с успехом. Собралось более 300 крестьян. Мелихово они решили переименовать в Чехово. Дождь помешал более подробному осмотру усадьбы, от которой уцелели дом и флигель. Все это требует ремонта» // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Фонд 331. Картон 109. Единица хранения 20. (Далее в ссылках ОР РГБ с указанием фонда, картона и ед. хр.)

В архиве Мелиховского музея есть воспоминания Лейтнеккера об этом. В один из приездов в Мелихово вдова Е. Э. Лейтнеккера, известный чеховед Н. И. Гитович, подарила музею эти материалы.

*** Выражаю благодарность Ирине Евгеньевне Гитович за предоставленные материалы из семейного архива.

ском музее (1912–1913 гг.), затем заведовал этим музеем (1913–1917 гг.), был секретарем Совета и Правления Таврического филиала Киевского университета — Крымского университета (1917–1918 гг.), заведовал Ялтинской библиотекой (затем ставшей Центральной библиотекой Южного берега Крыма) (1918–1921 гг.). Здесь же он познакомился со своей будущей женой, ставшей впоследствии известным педагогом, Ольгой Спиридоновной, приехавшей в Ялту для лечения сына Святослава.

Кроме того, что Евгений Эмильевич был организатором и Председателем Ялтинского библиотечного общества (1919–1920 гг.), он был организатором и заместителем Председателя Ялтинского литературного общества имени А. П. Чехова с 1917 по 1921 годы. Члены общества часто бывали в доме писателя, были дружны с Марией Павловной, оказывали ей посильную помощь (в частности, по охране Дома Чехова)*.

В 1921 году в Москву на съезд педагогов уехала делегатом Ольга Спиридоновна, там ей предложили работу в Московской опытно-показательной школе (МОПШК), после чего встал вопрос о переезде в Москву всей семьи**. Возможно, поэтому возникла мысль у Марии Павловны Чеховой совместить переезд Лейтнеккера с началом создания в Москве на базе Чеховского архива масштабного литературного музея имени А. П. Чехова, идея которого зародилась в эти годы у Лейтнеккера и которую они не раз, как это можно понять из их последующей переписки, обсуждали с Марией Павловной***.

---

* 1917–1921 гг. — особые годы для Крыма, сопровождавшиеся сменой властей, кровавыми расправами. В Крыму тогда оказался цвет русской интеллигенции, шла особенно насыщенная культурная жизнь. В то время Лейтнеккер выступал с докладами и статьями о Чехове в местной прессе. Это особая страничка в истории чеховедения, которая также требует своего исследования.

** Первое известное письмо Е. Э. Лейтнеккера к Марии Павловне из Москвы в Ялту датировано 12.X.1921 г. Можно предположить, что Ольга Спиридоновна приехала в Москву позже. В этом же письме Е. Э. пишет: «От приехавшей в Москву жены узнал, что в скором времени приедет Ив<ан> Павл<ович>. С нетерпением жду его, и известий от Вас» (ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 63).

*** Об организации Московского музея К. М. Виноградова пишет так: «В 1921 году Ялтинская дача была объявлена государственным музеем <...> Архив писателя, не относящийся к последнему периоду жизни Чехова, оставался в ялтинском Доме-музее мертвым капиталом. На это обстоятельство первой обратила внимание Мария Павловна. Она вновь подняла вопрос о создании музея Чехова в Москве, где, естественно, и должен был быть сосредоточен весь чеховский архив. Мысль о создании в Москве Музея на базе чеховского архива была поддержана Наркомпросом, и в 1921 г. было вынесено решение о его создании. Осуществление этого было поручено Евгению Эмильевичу Лейтнеккеру <...> его хорошо знала Мария Павловна и поддержала его кандидатуру на пост заведующего Музеем Чехова в Москве» («Из истории дома-музея А. П. Чехова в Москве». С. 339). Следует заметить, что все это Клавдия Михайловна знала с чужих слов, к работе в чеховском музее как сотрудница она привлечена была позже.

Именно Лейтнеккеру, ценя его широкую эрудицию, ум, энергию и огромный интерес к личности и творчеству Чехова и той эпохе, доверила Мария Павловна сложное и ответственное дело практической реализации этой идеи. Предполагалось, что музей будет первоначально развернут в ее московской квартире*, где жила в то время и присматривала за вещами Марии Павловны верная Маша Шакина, жившая у Чеховых еще со времен Мелихова.

В голодной и разрушенной Москве устроиться было крайне тяжело. 26 октября 1921 года Е. Э. Лейтнеккер писал Марии Павловне Чеховой: «Только недавно, с переездом в школу**, обрел свое ложе, а то почти два месяца валялся на фамильных чемоданах, <нрзб> и книгах, а до этого, ночуя в Толст<овском> музее*** или среди Ваших вещей на Мал<ой> Дмитров<ке>; просиживал также по неск<олько> часов в состоянии дремоты на бульварах (в ожидании назнач<енных> часов посещения кого-либо из знакомых). Уезжать очень же, совсем не хочется, т.к. уж очень интересно развернуть как следует намеченную работу»****. В одном из писем к Марии Павловне (12.X.1921) он продолжает делиться планами: «Москва вообще, в периоде уплотнения, но прямой опасности квартире на Мал<ой> Дмитровке, как будто, не угрожает <...> сделал заметки для доклада о плане устройства музея. Когда его составлю, Вам перешлю копию для ознакомления, исправления и пр. Не знаю, разделяете ли Вы взгляд на организацию музея, как на дело чисто общественное, меньше всего казенное. Уверен, что именно эта точка зрения наиболее близка Вам. В таком случае следовало бы стремиться к тому, чтобы вокруг музея, с момента учреждения музейного фонда, создался бы небольшой кружок лиц, и преданных данному делу, и могущих фактически помочь его осуществлению»*****. И далее: «В Чеховском музее необходимо было бы создать такую обстановку, которая располагала бы к изучению в нем литературы. Библиотека и архивный отдел должны быть составлены наиболее благоприятным

---

* Дом на Долгоруковской (№ 29), в котором находилась квартира Марии Павловны (кв. 18), был национализирован. Чеховский архив и ее вещи были перевезены в полученную в порядке уплотнения комнату на Малой Дмитровке, дом Фирганга. С большим трудом Е. Э. Лейтнеккеру удалось получить охранную грамоту на три комнаты в этом же доме. Однако Мария Павловна не оставляла надежду вернуть свою квартиру: «Если бы Бог дал вернуть мне мою квартиру, оттуда бы мы с Вами широко развернулись, захватив и Мелихово и все чеховское» (ОР РГБ. Ф. 331. К. 33. Ед. хр. 13).

** Жена Е. Э. Лейтнеккера была приглашена преподавать в Московскую Опытно-показательную школу и получила при ней маленькую комнатку.

*** Директор Толстовского музея, В. Ф. Булгаков, был одноклассником Е. Э. Лейтнеккера.

**** ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 63.

***** Там же.

образом для занятий по вопросам литературного творчества, театральной жизни и пр.»*.

План устройства Чеховского музея Евгений Эмильевич создавал вечерами и ночами в крохотной комнатке, где он жил с женой и тяжело тогда болевшим возвратным тифом пасынком Святославом, в городе, лежавшем в разрухе, холоде и голоде, — а днем, как писал Лейтнеккер М. П. Чеховой, занимался «отвратительной и ненужной для души службой»**.

Показательно, что этот обширный концептуальный документ Евгений Эмильевич скромно называет в письме к Марии Павловне «несовершенным, подлежащим дальнейшей разработке или переработке», считая, что главная цель его сейчас — «сдвинуть данный вопрос с мертвой точки и наметить вехи основной работы»***.

Докладная записка была представлена в Главмузей**** заведующей Н. И. Троцкой, а затем перешла в Отдел Музеев — к Н. Г. Машковцеву*****.

Обращаясь в Главное управление по делам Музеев и охране памятников искусств, старины, народного быта и природы по вопросу об устройстве в Москве Всероссийского музея имени Чехова, сотрудник Главмузея, товарищ Председателя Ялтинского Литературного Общества имени А. П. Чехова Евгений Эмильевич Лейтнеккер писал, что «вопрос об увековечении памяти Антона Павловича Чехова вставал неоднократно, когда наступала та или иная дата, связанная с его жизнью, литературной деятельностью и проч.». Обычно все кончалось «решением связать с его именем дело помощи нуждающимся в лечении представителям умственного труда. Естественно, что и по цели, и по тесной связи с самим А<нтоном> П<авловичем>, наиболее подходящим для этой задачи местом <...> казался Крым, точнее, Южный берег. Но подобные разрозненные решения не успели до войны 1914 года вылиться в нечто конкретное, подлежащее осуществлению в ближайшие годы. Лишь родной город Таганрог наиболее полно ответил на эти чаяния общественности <...> Но вот осенью 1917 года в Ялте организуется Литературное об<щество>во имени А. П. Чехова, которое, помимо прямой цели объединения своих членов на почве литературной работы, литерат<урно>-худож<ественных> исканий и проч. помогает кристаллизации идей, связанных с увековечением

* Там же.

** Из письма к М. П. Чеховой 22 декабря 1922 г. // ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 63.

*** ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 63.

**** 20 апреля 1921 г. Наркомпрос утвердил положение о Главмузее, согласно которому все музеи на территории РСФСР были переданы в ведение Главного комитета по делам музеев и охране памятников искусств, старины, народного быта и природы (Главмузей).

***** Заведующий Музейным отделом Главмузея Наркомпроса.

памяти А. П. Чехова. Так при Обществе во главе с С. Я. Елпатьевским, возникает Фонд помощи писателям, ученым и журналистам на Южном берегу Крыма, а в период, материально наиболее острый, Общество организует комитет охраны дачи А. П. Чехова, который только в пределах содействия исключительно ценной деятельности М. П. Чеховой, пытается поставить охрану Ялтинской дачи А. П. Чехова на соответствующую, правовую и материальную высоту.

В то время, как поблизости этой дачи, в той же верхней Аутке, Ялтинским Библиотечным обществом при самом близком участии С. В. Чеховой и И. П. Чехова открывается общедоступная районная библиотека-читальня имени А. П. Чехова, которая развертывает культурно-просветительскую работу для широких масс населения на самой даче А. П. Чехова»*.

Далее Лейтнеккер писал о том, что Ялтинский дом стихийно уже превратился в посещаемый музей, а Мария Павловна практически водит экскурсии и дает необходимые разъяснения. «В виду наличности в Р.С.Ф.С.Р. такого крупного и компетентного центра, как Главное Управление по делам музеев, вновь встает <...> вопрос об увековечении памяти А. П. Чехова в общегосударственном масштабе», — писал далее Евгений Эмильевич и выдвигал проект создания в Москве Всероссийского Объединенного Чеховского музея.

Он считал необходимым организовывать чеховский музей как «учреждение всероссийское и общественно-государственное», организуемое по определенному плану, принятому и утвержденному Главным управлением по делам музеев и одобренному «теми кругами общественности, которым идея будущего музея близка по существу». Он предлагал с самого начала к организации музея привлечь общественные силы, как в центре, так и на местах, ибо на них «ляжет тяжесть широкого сбора средств и предметов как для самого музея, так и для учреждений, тесно связанных с ним (библиотека, кабинет для чтения научн<ых> работ, архив и проч.)», предлагал слить воедино такую реальную помощь реальных людей с государственной поддержкой.

Приводя примерный план работ по организации Чеховского музея, Лейтнеккер писал: «Планировка музейной площади, отводимой для А. П. Чехова, вытекает из возможного и наиболее наглядного деления его жизни на четыре основных периода: 1) таганрогский, с 1860 до 1879 г. 2) московский, с 1879 по 1892 г. 3) мелиховский, с 1892 по 1898 г. 4) ялтинский с 1898 до 1904 г. — года смерти.

Наиболее целесообразно взять в основу работы именно этот, на первый взгляд несколько грубый, географический критерий <...> но в этом

---

* ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 63.

несколько внешнем делении жизни А<нтон> П<авловича> есть кроме того внутренний смысл, так как выбор места, где поселился А<нтон> П<авлович>, зависел от всей суммы личных причин, также влиявших и на самый характер, и на общий темп его литературной деятельности.

Первый период — Таганрогский. Чехов — уроженец Таганрога, здесь прошли его детство, отрочество и юность, здесь он прожил вплоть до 1879 г., до переезда в Москву и до поступления в Московский университет.

Второй период — Московский, т. е. студенческие годы А<нтон> П<авловича> и первое десятилетие его литературно-общественной работы, включая поездку на Сахалин и на борьбу с голодом, летние каникулы в Воскресенске, Звенигороде, Бабкине и Луках, оказавших, по свидетельству биографа М. П. Чехова, значительное влияние на формирование его как писателя.

Третий период — мелиховский, считая с 1892 г. по осень 1898 г. — период интенсивной и литературной, и общественной работы, период Мелихова, в котором окончательно сложилась фигура А<нтон> П<авловича> как писателя, когда была написана «Чайка».

Четвертый период — ялтинский, с осени 1898 г., вернее с 1899 г., когда А<нтон> П<авлович> окончательно переезжает на Южный берег Крыма, до 1904 г. — год смерти. Период Ялты, где он провел последние годы своей жизни, период Ялтинский, «Белой дачи», на которой были написаны «Три сестры» и «Вишневый сад».

Отдельными темами в жизни А. П. Чехова, выступающими особенно ярко и, с точки зрения систематизации музейного материала, имеющими право на самостоятельное, независимое от указанных четырех периодов отображение следует признать два явления: «Чехов как врач и как общественный деятель» (включая поездку на Сахалин) и «Чехов и Московский Художественный Театр». «Именно эти темы, по которым материал может быть сгруппирован самостоятельно, независимо от жизнеописания, построенного по указанным четырем периодам, должны дополнить четыре ступени чеховского музея, о которых говорилось выше.

Таким образом, мы получаем шесть моментов построений Универсального Отделения Чеховского Музея: четыре периода жизни писателя и 2 самостоятельные темы, выделенные из последовательного жизнеотображения»*.

Мы и сегодня безусловно и безоговорочно принимаем этот «географический критерий», так четко и безошибочно выделенный тогда Лейтнеккером.

---

* Там же.

Абсолютно дальновидно и следующее его предложение: «Поскольку устраивается музей <...> постольку неизбежно устройство при нем хорошо оборудованной библиотеки, книжный инвентарь которой должен прежде всего отвечать основной теме музея. При библиотеке желательно оборудование кабинета для чтения и научной работы, возможной и неизбежной, если при Музее будет устроен архив»*.

Это предложение, к сожалению, до сих не в полной мере воплощено в жизнь.

Лейтнеккер первым поставил вопрос о необходимости возрождения, сохранения и вхождения Мелиховской усадьбы писателя в единый музейный комплекс: «Только то скорбное обстоятельство, что с постройкой Ялтинской дачи была решена участь Мелихова в смысле неизбежности его продажи, только факт этой продажи и разобщенности с ним после 1899 года семьи Чеховых, отразилось на судьбе вопроса, такого существенного для друзей литературы, как включение Мелихова в музейную сеть Республики. Наравне с Ялтинской дачей, которая сохранилась только благодаря исключительной заботливости о ней М. П. Чеховой, Мелиховская Усадьба, где все построено и переделано по плану самого А<нтон> П<авловича>, Мелихово, в котором протекал один из самых интересных периодов его литературной деятельности, должно войти в музейную систему Республики, являясь, в сущности, хрупкой частью единого Всероссийского Чеховского Музея.

Таким образом, должно быть достигнуто полное взаимодействие между Москвой с одной стороны, Мелиховым и Ялтой — с другой в смысле сосредоточения содержания оригинальных объектов в одном месте и дублирования более портативных материалов. Естественно, что оригинальные, типичные для каждого из этих мест объекты скорее всего будут прикреплены по принадлежности — по месту возникновения и, если так можно выразиться, их фактического сосуществования с самим А<нтоном> П<авловичем>»**.

И далее: «В объединенный Всероссийский Чеховский Музей, т.е. в организуемый в Москве Центр его, надлежит пока включать Ялтинскую дачу А. П. Чехова и Мелиховск<ую> усадьбу, поставив в ближайшем будущем вопрос о национализации последнего и рассмотрев возможный проект наиболее широкого использования его не только для прямых музейных целей, но и в смысле устройства на его территории Дома-Отдыха для работников слова и искусства. При этом, как сказано выше, должно быть установлено полное взаимодействие между этими тремя пунктами единой организации в отношении распределения наличного музейного материала».

---

* ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 63.

** Там же.

Евгений Эмильевич, сознавая сложность времени, менее всего, казалось бы, подходящего для устройства музеев, и не рассчитывая на большую помощь со стороны государства, предлагал основную работу по созданию музея сосредоточить в Главном управлении по делам музеев, образовав при нем из представителей литературы и общественности Центральный Организационный комитет в Москве и организационных групп на местах (прежде всего в Таганроге, Ялте, Мелихове и Петрограде), полагая, что «означенные Центральный Организационный Комитет и Организационные Группы на местах, включая в свой состав официальных представителей Главмузея, руководствуясь его директивами и влияя со своей стороны на текущую разработку таковых, при фактическом содействии в строительной работе имеющегося у Главмузея аппарата научных и технических сотрудников, помогут более правильной постановке и более быстрому осуществлению дела создания нового Всероссийского Музея»*.

В Московский Центральный Организационный Комитет он предлагал включить Т. Л. Щепкину-Куперник, Л. С. Санину (Мизинову), Ф. О. Шехтеля, К. С. Станиславского, В. И. Немировича-Данченко, Б. К. Зайцева, М. А. Чехова, М. П. Чехову, С. В. Чехову, М. П. Чехова, докторанта И. С. Трофименко, А. Е. Грузинского, двух представителей Всероссийского Союза писателей, двух представителей Российского Общества Любителей Словесности.

Организаторскую работу в Ялте он предлагал возложить на Ялтинское Литературное Общество имени А. П. Чехова, прося принять в нем участие С. Я. Елпатьевского, С. А. Найдёнова, К. А. Тренёва, Б. А. Бермана.

Заканчивалась эта докладная записка просьбой «принять немедленные меры (в смысле ассигнования необходимых денежных средств) к тому, чтобы положить начало при создаваемом Музее библиотеки, коллекции портретов, архиву и проч. <...> к отводу для Музея помещения и снабжения его инвентарем, равно и составлением денежной и материальной сметы на ближайшее время».

Под докладной запиской стоит дата: «Москва. 17.X.1921 года».

И сегодня поражает грандиозность замысла. Особенно на фоне той реальности российской жизни, в которой этот замысел возник. Многие из планируемого Лейтнеккером в то далекое время и сегодня можно взять на вооружение современным музеям. Следует заметить, что Е. Э. Лейтнеккер поместил в январе 1922 в журнале «Вестник Просвещения» статью «Музей имени А. П. Чехова в Москве»**, где

---

* Там же.

** Лейтнеккер Е. Музей А. П. Чехова в Москве // Вестник Просвещения. 1922. № 1. С. 22–24.

более подробно осветил выношенную им, глубоко прочувствованную и мысленно увиденную в своем воплощении концепцию будущего музея.

В статье Лейтнеккер утверждал, что «подлинной глубиной и сердцевинной всего музея несомненно явится архив рукописей, который, при единодушии современников А<нтон> П<авлович> и учреждений, обладающих в настоящее время оригиналами рукописей, должен сконцентрировать в себе все подлинники произведений А<нтон> П<авлович>, его писем, заметок, дневников, писем к нему его родных, друзей, знакомых... Мощностъ этого архива, сконцентрированность (вместе с библиотекой) всех материалов об А<нтоне> П<авловиче> в *одном* месте, несомненно повлияет на интенсивность и характер исследовательской работы о нем, а также поможет придать максимальную художественную правду всему всему тому, что будет целостно собрано в самом музее»*. Под публикацией стоит подпись — Евг. Лейтнеккер.

Многим проекты Лейтнеккера тогда, в голодной и разрушенной стране, казались просто неосуществимыми, нереальными, фантастическими, однако дальнейшее развитие чеховских музеев пошло именно по пути, намеченному Е. Э. Лейтнеккером, о чем не следует забывать новым поколениям музейных работников и исследователям творчества Чехова.

Тогдашний Председатель Общества любителей российской словесности А. Е. Грузинский высказал точку зрения, что следует создать такой объединенный музей, посвященный только А. П. Чехову, тогда будет возможно открытие при нем Литературного Общества, посвященного Антону Павловичу Чехову, однако выразил сомнение в возможности включения в этот комплекс Мелихова. Вообще в возможность организации музея в Мелихове тогда не очень верили. Не сомневался в этом только Е. Э. Лейтнеккер, он постоянно говорил об охране Мелихова, о приспособлении его под небольшой музей и дом отдыха для писателей и артистов Художественного театра**. Эта идея встретила тогда сочувствие у Бориса Зайцева, который стоял во главе Союза писателей, понравилась она и Машковцеву из Главмузея.

Докладную записку и статью Евгений Эмильевич послал тогда Марии Павловне и с волнением ожидал от нее ответа. Продолжая

---

* Там же. С. 24.

** 22 февраля 1922 г. в письме к Марии Павловне Лейтнеккер пишет: «Мелихово... Пленительное место, дорогое для всякого, прочитавшего письма Чехова... Не позже этого лета должен быть издан декрет об его национализации; в нем м. б. устроен музей, но все Мелихово, как имение, как участок, разбитый так хорошо и уютно руками самого А. П. и его семьи, может быть и должен быть использован для санаториума или дома отдыха, в котором литератор, художник, артист и ученый найдут возможность хотя бы короткого (подмосковного) отдыха» (ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 64).

работу, он отчитывался о проделанном: «Принимал все меры к тому, чтобы работа по устройству музея не останавливалась. Пришлось и приходится ходить по Московским и всероссийским знаменитостям. Знаменитости заставляют ждать, меняют время, откладывают... Тот занят, другой болен. В Главмузее, чтобы переговорить о сущем пустяке, ждешь часами приема. Чеховский музей, как существующий *inspre*, часто упускается из виду. В последний день, раньше не предупредили, пришлось сфабриковать множество разных ведомостей — всех, кажется 42 экз. Принял участие в составлении сметы Музея на 1922 г.; поставили максимальные цифры. По мере сил продолжал вести переговоры с представителями литературы, науки и артист<ического> мира по Организации О<щества>ва друзей Музея имени А<нтон> П<авловича><...> был в библиотеке Румянцевского музея, вернее, в комнате А. П. Чехова и чистосердечно пригласил Елизавет<ету> Ник<олаевну> Коншину, а через нее — и завед<ующего> Ник<олая> Михайловича Мендельсона, которого лично не мог застать, принять участие в предстоящей работе»*.

В тех частных письмах проглядывает суровая реальность того времени: «Главмузей ничего не платит и, ради питания 4-х чел<овек> ** приходится трубить другую службу. При таких условиях домой возвращаешься усталый, выпотрошенный»***; «Паек (предназначенный Марии Павловне. — *Н. И.*), разумеется, целиком передал Маше**** (там было 8 фунтов муки, несколько фунтов плохой рыбы и соль) <...> Америк<анского> пайка никому еще не выдали, а если выдадут (очень сомнительно), целиком передам Вашу долю Маше, которой Вы сама напишете, что может она взять, что оставить Вам (к Вашему приезду)»*****; «Без денег и без продовольствия (от всякой помощи из заграницы от богатых родственников^{6*} я отказался, согласно своего правила) очень тяжело, а материальные перспективы Наркомпроса самые ужасные, т.к. ожидается сокращение на 2/3. Если наш музей уцелеет (некоторые учреждения будут совсем закрыты), будем обязаны некоторым связям»^{7*}.

* Из письма к М. П. Чеховой 28 декабря 1921 г. // ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 63.

** Приехала мать жены Ольги Спиридоновны.

*** Из письма к М. П. Чеховой от 28 декабря 1921 г.

**** Маша Шакина оставалась в Москве и присматривала за вещами М. П. Чеховой. По просьбе Марии Павловны Маша получила должность в музее — вахтера, 9 разряд.

***** Из письма к М. П. Чеховой <1921–1922 гг.> // ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 63.

^{6*} В это время в эмиграции находилась его младшая сестра, бывшая замужем за сыном известного музыкального издателя Беляева.

^{7*} Из письма к М. П. Чеховой <1921–1922 гг.> // ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 63.

Музей занимает все время и все помыслы Е. Э. Лейтнекера. 22 февраля он пишет Марии Павловне: «Мне приходится <...> делать выбор: буду ли я работать по устройству Музея, или это будет для меня второстепенным, а на первом плане кусок хлеба. Куском хлеба придется пожертвовать, т.к. медлить нельзя, а надо действовать и действовать. Вот почему 1 марта я бросаю свою службу с пайком и остаюсь только на голодной службе от Главмузея»*.

Из письма Е. Э. Лейтнекера: «Мнение москвичей таково, что широкими планами задаваться не следует и вести дело в небольшом масштабе. Чтобы исключительно заняться музеем, собираюсь бросить вторую службу». И далее сетует: «Полная разобщенность с Вами крайне тяжело отражается на настроении и на деле. Вы ничего не пишете и, мне тяжело сознаться, невольно начинаю думать, не сделано ли мной чего-либо в разрез с Вашими планами и пр. Стараюсь все сообщать Вам. Силою вещей поставлен в несколько изолированное положение. Быть может Вам что-либо не нравится в той работе, которая начинает разворачиваться? Пожалуйста, скажите прямо. Может быть, вообще, мое участие в ней излишне? Вы инициатор дела, Ваше мнение решающее. Только не казните молчанием. Приехать сейчас, к сожалению, очень трудно. Между тем так бы хотелось поисповедоваться и передать подробно, как складываются музейные дела. Все жалеют, что Вы не в Москве. И думается, переезд Ваш в Москву, хотя временный, был бы крайне необходим. Вы бы вдохнули живую душу в наше общее дело, объединили бы вокруг него разнообразные элементы, несомненно готовые пойти навстречу, но, по разным причинам, опасаящиеся браться за активную работу (главным образом из-за недостатка времени). Подумайте, Мария Павловна, м.б. проезд Ваш в ближайшие недели возможен. Главмузей, наверное, не откажется перевести Вам деньги с телеграммой о поддержке в их выдаче, равно и вызов. Я буду ждать на этот счет определенного ответа»**.

Квартиру Марии Павловны на Долгоруковской вернуть не удалось, не удалось и получить в том же доме несколько комнат для музея. Поиски нужной площади под музейную выставку отнимали много сил и времени, а разворачивать ее было необходимо срочно, потому что для Главмузея, Главнауки, для Общества друзей Музея Чехова требовалось положить реальное начало музею, в общем, нельзя было упустить время. В Художественном театре также не удалось найти помещение, потому что там стал создаваться собственный музей, и только в марте на углу Большой Дмитровки и Георгиевского переулка для Чеховской

* ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 64.

** Из письма к М. П. Чеховой от 28 декабря 1921 г. // ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 63.

выставки была предоставлена большая круглая комната в 160 квадратных аршин*.

К предстоящей работе Евгений Эмильевич начинает привлекать многих. По его мнению, как следует из письма к М. П. Чеховой, «эти люди должны быть джентльменами, корректными, чуткими, они должны быть родственными по духу самому Антону Павловичу»**. И такие люди находятся.

Привлекаются Е. Н. Коншина, а через нее и Н. М. Мендельсон, Ю. В. Соболев и др. В интересах дела устанавливается тесная связь с Художественным театром. Вскоре в Москве уже организовался центр, которому было одинаково близко и дело сохранения Ялтинской дачи, и организация Чеховского музея, и поддержание других Чеховских организаций.

Интересно размышление Евгения Эмильевича в одном из писем к Марии Павловне: «Патриотизм может и должен заключаться в том, чтобы сохранить остатки родной культуры, и если можно, создать что-либо новое, а прочая гордость — это дело настроения, вкуса, привычек»***. Эти слова родились не из абстрактных размышлений, а в суровой реальности тех дней, в процессе ежедневной кропотливой и планомерной работы — вопреки всему, несмотря ни на что. А реальность была такова: «Условия московской жизни становятся крайне тяжелыми, и личная безопасность, от вечерних до утренних сумерек, каждого москвича висит на волоске... Бандитизм стал обычным явлением. Черный хлеб дошел до 70 тыс<яч> руб<лей> за фунт, а с Востока России идут ужасные сведения о людоедстве, полном упадке экономики и безотрадности ближайшего будущего. Нужно иметь исключительную выдержку, чтобы, понимая ужас совершающегося, любить Россию не на словах, а на деле, — жить с нею разнузданной и бедной, одной жизнью и общей верой в грядущее воскресение, и в ожидании его сохранять и умножать то немногое от культуры, что осталось нам — современникам великого развала и великого созидания»****.

Одна из самых сложных страниц в истории музееведения и чеховедения, вокруг которой создано множество разных мифов, — это собирание Чеховского архива. Документально она выстраивается вполне объективно и не совсем так, как подавали ее родственники писателя.

---

* Около 114 кв. м.

** Из письма к М. П. Чеховой 22 февраля 1922 г. // ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 64.

*** Из письма Е. Э. Лейтнеккера 18 марта (?) 1922 г. // ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 64.

**** Из письма Е. Э. Лейтнеккера к М. П. Чеховой 18 марта (?) 1922 г. // ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 64.

Часть чеховского архива находилась в Москве на хранении в сейфе банкирской конторы братьев Джамгаровых*, часть у Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой, часть в несгораемом шкафу в московской квартире Марии Павловны Чеховой, часть у нее в Ялте. Национализация сейфов в 1917 году, в том числе и братьев Джамгаровых, где хранился архив Чехова и его некоторые личные вещи, формально и юридически сделали эту часть архива собственностью государства. Е. Э. Лейтнеккеру удалось со временем получить из Гохрана** чеховский архив, как и другие составляющие чеховского наследия (архив Ольги Леонардовны и Марии Павловны).

Только летом 1922 года Музею Чехова было предоставлено помещение в Музее Новой Западной живописи на Пречистинке. Михаил Павлович 4 июня 1922 года пишет сестре: «Стало необходимым очистить комнаты в доме Фирганга. Решили с Детиновым <...> все музейные вещи перевезти в комнату на Пречистинке, принадлежащую Главмузею, и запереть в ней <...> лично твои вещи должен взять к себе я и разместить их у себя. Все это приведено в исполнение»***.

В своей работе «Из истории Дома-музея А. П. Чехова в Москве» К. М. Виноградова писала: «Музей получил здесь сначала одну, а потом и вторую комнату, что дало возможность развернуть музейную работу. Огромным плюсом было то, что в помещении имелись соответствующие условия для хранения ценнейшего чеховского архива: он был помещен в так называемой стальной комнате Музея Новой Западной живописи, где тогда уже хранились и хранятся до настоящего времени рукописи Л. Н. Толстого — архив Музея Л. Н. Толстого»****.

* В ОР ГБЛ сохранилась копия-черновик письма Марии Павловны к Горькому, датированная октябрём 1918 г.: «Дорогой Алексей Максимович! Три года тому назад я перевезла из Ялты весь архив покойного брата Антона Павловича в Москву для хранения и для работы. Часть его находится в моей квартире, а более драгоценная — в сейфе у Джамгарова. Прикованная к постели больной матери, я не могу приехать в Москву, чтобы узнать о судьбе этого архива и вообще позаботиться о его сохранности. Я очень, очень беспокоюсь, прямо мучаюсь...» Далее Мария Павловна просила о содействии в охране квартиры и сейфа до ее приезда. На черновике-копии ее рукой написано: «По каким-то причинам это письмо не попало в руки А. М. Горького. И в конечном итоге литературные и другие ценности Антона Павловича в мое отсутствие из сейфа были изъяты. Мария Чехова». В «дело» вложена записка Е. Н. Коншиной: «Рукописи и материалы вскрытого сейфа конторы Джамгаровых, попали в 1918 г. в ЦАУ (Центральное архивное управление)». См. об этом: *Виноградова К. М. Из истории Дома-музея А. П. Чехова в Москве. С. 338.*

** В 1920 г. декретом Совета народных комиссаров для «централизации, хранения и учета всех принадлежащих РСФСР ценностей» было создано Государственное хранилище ценностей Наркомфина — Гохран России.

*** ОР РГБ. Ф. 331. К. 83. Ед. хр. 6.

**** *Виноградова К. М. Из истории Дома-музея А. П. Чехова в Москве. С. 344.*

Так что теперь задачей Музея было фактическое объединение чеховских архивов, хранящихся в разных местах. И когда летом 1922 года Евгений Эмильевич приехал в Ялту познакомить Марию Павловну Чехову со своим планом создания Чеховского музея, она 14 июля 1922 года написала два официальных заявления. Одним — утвердила свою добровольную передачу архива Гохрана в музей А. П. Чехова*. Другим распорядилась передать туда же чеховские материалы, хранившиеся у О. Л. Книппер**.

Произвести передачу этих материалов предстояло О. Л. Книппер-Чеховой, С. В. Чеховой, вдове Ивана Павловича Чехова, и Е. Э. Лейтнеккеру. Еще одну часть архива Мария Павловна доверила ему лично под расписку. Он увозил тогда для московского музея 214 фотографий и около 300 писем А. П. Чехова***.

Несгораемый шкаф из квартиры Марии Павловны перевезли 4 августа, и в присутствии С. В. Чеховой и О. Л. Книппер передали семейные реликвии на государственное хранение. Объединение и хранение чеховского архива в Музее укрепило авторитет последнего в глазах общественности, в Музей стали поступать дары (письма, фотографии Чехова, книги) от современников Чехова (от Г. И. Россолимо, А. Л. Вишневого, Н. Д. Телешова, В. В. Вересаева, В. А. Гиляровского, Т. Л. Щепкиной-Куперник, Ф. О. Шехтеля и многих др.).

«Вы поставили себе памятник, передав архив музею, — писал Е. Э. Лейтнеккер 9 августа 1922 года М. П. Чеховой. — Все культурное, что есть в России и в мире, должно глубоко благодарить Вас за труд собирания и сохранения этих драгоценных писем. Только теперь можно сказать, что Чеховский музей возник и существует. Он имеет уютный вид. И я уверен — все его полюбят»****. В этом же письме Лейтнеккер пишет: «Перевез архив на свой счет; бумага, гвозди булавки и проч. — тоже. А что мы имеем, догадываетесь. Поездка моя (в Ялту. — *Н. И.*) до сих пор не оплачена и я в долгу, как в шелку. А все-таки смотрю и думаю — время возьмет свое: образуется. В скором времени вышлю Вам деньги, т.к. предстоит распределение июньского оклада. Занят по 12–14 часов и едва успеваю». И далее: «Не передай Вы музею архив, я немедленно бы отошел от дела, т.к. без этого стержня нельзя было бы думать о развитии музея».

---

* Может быть, оно и не имело юридического значения после национализации архива Чехова, хранящегося в конторе братьев Джемгаровых, но имело огромное моральное значение. Мария Павловна подтверждала свою позицию по отношению к Чеховскому Музею.

** Подробнее об этом: *Виноградова К. М.* Из истории Дома-музея А. П. Чехова в Москве. С. 345.

*** Акты передачи — ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 65.

**** ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 65.

Надо сказать, что родственники писателя болезненно реагировали на передачу в государственную собственность переписки Антона Павловича, его рукописей, и это приводило к разного рода конфликтам и несправедливостям, допускаемым ими в отношении музея и его заведующего.

Из письма Лейтнекера: «18.XI.922 г. Москва, Пречистинка, 21, Музей А. П. Чехова. Дорогая Мария Павловна, сегодня отправил Вам письмо, а сейчас сижу один в комнате, десятый час, читаю письма А<нтон> П<авлович> (VI том). И вспомнил дачу и короткие, сравнительно, часы, проведенные на ней нынешним летом. Вы в Ялте, О<льга> Л<еонардовна> за границей, с Мих<аилом> Павл<овичем> я не только не сдружился, чего очень хотел, но окончательно разошелся. Нет Ив<ана> Павл<овича>, которого всегда любил, и мне грустно. И эта тоска иногда принимает огромные размеры, совершенно обессиливает и как-то утомляет...»*.

Одoleвали хозяйственные хлопоты: для перевозки мебели из Английского клуба на хозяйственные расходы дали только 250 миллионов рублей — «сумма, — как пишет Лейтнекер Марии Павловне, — не соответствующая размерам предстоящих затрат. Все задерживается из-за отсутствия витрин. Придется делать кирп<ичную> печку, иначе работать в Музее не представится возможным. Хлопочу об этом, не знаю, удастся ли добыть средства. Нет дров, тоже хлопочу... Ходить по Главнауке, изображать из себя какого-то заштатного поминальщика и плакальщика, как все это надоело и до болезненности жутко! Очень устал и унылое настроение осложняется другими привходящими причинами — лихорадит и нездоровится**. И все-таки — один выход: работать и работать»***.

Работать приходилось в очень тяжелых условиях, а в музей стали доходить слухи о недовольстве Марии Павловны деятельностью Московского музея, его директором, особенно материальным положением Ялтинского музея и его сотрудников. Жалованье получалось в Москве на всех сотрудников Московского и Ялтинского музея, причем с большими задержками, иногда на несколько месяцев. Лейтнекеру необходимо было получать деньги на всех сотрудников, отстаивать штат музеев, с оказией пересылать деньги в Ялту, выбивать разного рода надбавки, вознаграждения, ждать по почте расписок о получении денег. Много сил отняли хлопоты по выбиванию 300 миллионов рублей на ремонт Ялтинского дома.

* ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 66.

** От переутомления, волнений, недоедания обострился туберкулез.

*** ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 66. Дата письма не установлена.

Лейтнеккер, обладая необыкновенной честностью и прямоотой, написал тогда Марии Павловне в письме: «Ялтинцы, приезжающие в Москву, и москвичи, жившие в Ялте, смотрят на меня глазами, полными ужаса и, рассказывая о Ялт<инском> музее, как будто таят что-то про себя. Я начинаю бояться этих дам, приезжающих из Ялты. Они, к сожалению, представления не имеют, как мы боремся со всякими неурядицами и преодолеваем бесконечные препятствия. Они по обывательски, поверхностно воспринимают всю сложность нынешней канцелярской действительности и что их посвящают в дело, требующее иного отношения. Если Ялт<инскому> музею трудно, обещания тут не при чем, ибо, что в силах, делается для него; вина в том также не Иванова или Петрова, повинно общее неустройство, которое, это долг каждого, надо смягчать. Забота о материальных делах двух музеев дается нелегко <...> Бесконечно сочувствую и Вам, и Поле (Пелагея Павловна Диева — техническая сотрудница Ялтинского Дома-музея. — Н. И.). Хочу, но не могу сделать так, чтобы Вам жилось лучше <...> очень трудно чувствовать неудовольствие Ваше и Ялтинских служащих за прегрешения, в которых совсем не виноват <...> Мне хотелось бы избегнуть этой роли подсудимого без вины, т. к. я делал и делаю, что в моих силах <...> чувствую право в отношении денежных вопросов быть вне всяких неудовольствий, подозрений и разговоров»*.

Вызывала волнение, недовольство Чеховых и издательская деятельность Московского музея. Редактором готовящегося издания переписки Чехова и Короленко не предложили быть ни Марии Павловне, ни Михаилу Павловичу Чехову. Причем Лейтнеккер без обиняков объяснил М. П. Чеховой, что издательская деятельность крайне необходима музею, но издаваемые музеем книги должны быть научными изданиями, готовиться с участием признанных в науке имен, одно из важнейших условий создания и существования Музея — «только научно устраивать музей и только научно печатать его труды». К этому Лейтнеккер стремился с самого начала своей деятельности. Он предложил Марии Павловне, если она считает необходимым назначить Михаила Павловича редактором изданий Музея, обратиться по этому поводу в Ученый Совет Музея, но предупредил: «...научная редактура Мих<аил>у Павл<ович>у не может быть передана. Его биографические очерки к письмам Чехова с достаточной ясностью говорят о манере его работы в этой области. Ведь настает момент, когда Чехов, общепризнанный классик, требует академического издания своих литературных и биографических материалов. И неужели в этой области мы будем следовать примеру некоторых наследников Толстого. И Толстой,

* ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 67 (1923 г.).

и Чехов — не только муж Софьи Андреевны, не только брат Мих<аила> Павл<ович>а, а национальные писатели и мыслители, больше того — мировые. Семейная эра в разработке данных материалов, касающихся их, неизбежно, если не сейчас, в недалеком будущем уступит место работе в этом направлении специалистов. К последним себя, конечно, не причисляю, но вправе таковыми считать ту академическую группу, которая собралась в О<бщест>ве и в Музее <...> я и словом не обмолвился бы в защиту такой постановки, если бы у нас не было этой группы, которая научно, академически издала не одного классика. Пиксанов, напр., известен как редактор и комментатор Полн<ого> Собр<ания> сочинений Грибоедова (Академии Наук). Все, что есть научно работающего в литературе, собрано у нас»*.

Напомнил он М. П. Чеховой и о том, что Музей бережно относится к архиву, постоянно советуется с ней и посвящает ее, как Почетного директора, во все рабочие планы: «Вы передали архив в полное распоряжение музея. В последнем работают культурные люди, в Комитете и обществе не менее того, и, несмотря на Ваши официальные заявления, сделанные летом в письменной форме, каждый раз Комитет музея запрашивает о Вашем отношении к тому или иному вопросу, связанному с издательством. Отчего же приезжающие из Ялты передают и рассказывают о Ваших тревогах, касающихся архива? Это несправедливо и неожиданно для меня <...>. Разве Музей чем-либо нарушил требования чуткого деликатного отношения к имеющимся у него документам, разве Вы не посвящены во все издательские и архивные планы его?»

«Поверьте, если откинуть некоторые привходящие причины, — писал в одном из писем 1923 года Лейтнекер, — наша совместная работа ничем не омрачалась бы. Какой бы то ни было разлад мне тяжел. Тяжелы и разногласия, существующие между Чеховыми. Но скверно, если некоторые из них не смягчают, а углубляют его»**.

Роль источника и катализатора конфликтов между Марией Павловной и набирающим силу Музеем, к сожалению, играл Михаил Павлович Чехов, о чем сегодня надо сказать совершенно прямо.

Михаил Павлович, младший брат писателя, Гражданской войной был заброшен в Таганрог, откуда он рвался в Москву, но средств для того, чтобы выехать в столицу, не было. Мысль о вызове М. П. Чехова в Москву исходила от Т. Л. Щепкиной-Куперник, от Н. Е. Эфроса, но воплощение этого плана легло полностью на Евгения Эмильевича. Было решено послать вызов через Главмузей.

---

* Письмо к М. П. Чеховой (1923 г.) // ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 67.

** Там же.

Михаилу Павловичу была послана соответствующая бумага и письмо, в котором его приглашали принять участие в организации Музея и, прежде всего, установить самую тесную связь с Таганрогом, образовав там группу почитателей Чехова. Лейтнеккер также просил Михаила Павловича привезти с собой имеющиеся материалы, которые пригодились бы Музею. Надо было выхлопотать в разных учреждениях не только разрешение на проезд, но и «добыть» денежный аванс в счет будущих заработных плат в музее (для переезда нужно было 15 млн руб. по курсу того времени*). В Ялту Михаил Павлович ехать не рискнул, он получил письмо от сестры, в котором та описывала голод в Крыму (съели даже «несъедобных животных»**).

Лейтнеккер, ценой невероятных усилий сделав все возможное для переезда Михаила Павловича из Таганрога в Москву через Музейный отдел Наркомпроса, с нетерпением ожидал его приезда. Из писем Евгения Эмильевича к Марии Павловне:

14 января 1922 года: «Мих<аил> Павл<ович> пишет, что очень рад поработать в Музее. Но теперь, в связи с сокращениями штата, не знаю, как осуществить наше обоюдное желание работать друг с другом. Сейчас иду торговаться с Главмузеем и выяснять материальные возможности дальнейшей работы».

1 февраля 1922 года: «С помощью Сер<гея> Агаповича Дединова удалось выбить еще одно место научного сотрудника и на таковое приглашаем из Таганрога Михаила Павловича, которому на днях посланы все необходимые бумаги для переезда его семьи в Москву.

Получил от Мих<аила> Павл<овича> милое письмо и с нетерпением жду его приобщения к начинающейся работе <...> По приезде Мих<аила> Павл<овича> думаю возбудить вопрос о поисках квартиры для сотрудников Чеховского Музея».

22 февраля 1922 года: «Михаилу Павловичу посланы все необходимые бумаги для переезда его и семьи. Его мы ожидаем с нетерпением и одна из открывшихся в музее вакансий остается за ним. Я учитывал Ваше желание видеть Мих<аила> Павл<овича> в числе своих сослуживцев (выражаясь официально) и сделал все возможное, чтобы устроить ему переезд из Таганрога в Москву. Чрезвычайно милое письмо Мих<аила> Павл<овича>, полученное мною месяца 1 ½ тому назад, не оставляет сомнения, что наша совместная работа будет дружной и радостной»***.

12 марта этого же года М. П. Чехова пишет Лейтнеккеру: «Я считаю Вас своим другом, доверяюсь Вам вполне и в память покойного будем

* Билет до Москвы стоил 3,5 миллиона рублей.

** См. об этом: Кузичева А. П. Чеховы. Биография семьи. М., 2004. С. 403.

*** ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 64.

идти рука об руку в нашем общем деле! Я знаю, что Вы глубоко любите Антона Павловича и чтите его память, а это для меня все»*.

В мае 1922 года Михаил Павлович с семьей переехал в Москву, предполагалось, что брат писателя станет работать в музее, однако он от этого воздержался, а в письме 25 мая 1922 года делится с сестрой своими впечатлениями от Музея так: «Как член-сотрудник Чеховского музея бываю на заседаниях Комитета. Ах, какая это говорильня! Воз и поныне там. Несчастный, нервный до истеричности, Лейтнеккер несет все дело на себе, но затевает малоисполнимое, все остальные или безучастны, или соглашаются, пишутся резолюции, составляются журналы, но дело ни на иоту не двигается с места... Предстоит еще сокращение на одного человека <...> и я рад, что Лейтнеккер останется: все-таки он гвоздь всего дела. Я же в это дело просто не верю и считаю его мертворожденным. С теми средствами, какими располагает Главмузей (не платит жалованья по месяцам), с тем чисто формальным отношением к делу большинства членов и с тем ничтожным количеством экспонатов для будущего музея, которое имеется в наличности, — музею этому не придется родиться на свет»**.

Словом, как пишет Лейтнеккер в письме Марии Павловне, Михаил Павлович от общественного дела «очень грубо отвернулся». Евгений Эмильевич вынужден был констатировать: «Мих<аил> Павл <ович> получил возможность приехать в Москву, благодаря содействию Музейного отдела. Он был вызван, получил нужные бумаги (вызов и скидку), получил большой для того времени аванс. Переписка, которая велась с ним до и после приезда <...> определенно говорит о том, что мы имели основание видеть в его лице деятельного и преданного сотрудника Музея. Приехав, он уделил Музею несколько часов (на разговор) и после двух-трех встреч и молчаливого присутствия на 2–3 заседаниях, мы не имели удовольствия видеть Мих<аила> Павл<овича> на службе. Я подал два заявления в Муз<ейный> Отдел (Главмузея) о своем отказе от заведования Музеем, полагая, что с приездом Мих<аила> Павл<овича> эта роль (организатора и заведующего Музеем) должна перейти к нему. Было заседание Комитета, в котором этот вопрос рассматривался, и Мих<аил> Павл<ович> трижды отрекся от Музея, ссылаясь на недосуг и пр. А в личной беседе со мной он откровенно высказал свой скептический взгляд на предпринимаемое нами дело. Он говорил, что Таганрогский музей устроен и лучше его нельзя ничего сделать, издевался над необеспеченностью музейной службы и афишировал свое материальное положение в Госиздате <...> он просто насмеялся над нашим делом и косвенно над нами, его работниками». И далее Лейтнеккер напоминал Марии

* ОР РГБ. Ф. 331. К. 33. Ед. хр. 13.

** ОР РГБ. Ф. 331. К. 83. Ед. хр. 6.

Павловне о других неблагоприятных поступках брата: он готов был для возможности получения комнаты для служащих Музея «пожертвовать» Машей (Шакиной — *Н. И.*) — т.е. «проектировал» ее увольнение. Когда шла речь на заседании Комитета Музея «о сокращении штатов и было предложено распространить его на Вас (Марию Павловну. — *Н. И.*), как на сотрудника отсутствующего и совмещающего в Главнауке две должности, он молчал и не предложил к сокращению себя, хотя это было так естественно»*. Не появляясь на службе, Михаил Павлович тем не менее исправно получал жалованье. Далее Е. Э. Лейтнеккер пишет, что, несмотря на «прошлые неудачи», он продолжал посылать приглашительные письма и повестки М. П. Чехову не только как официальному лицу, т.е. брату писателя, но из стремления «видеть его в Музее, хотя бы сочувствующим и принимающим участие в освещении некоторых вопросов. Он ни разу не пришел в Музей и не ответил, хотя бы из вежливости»**. А когда к Михаилу Павловичу обратился сотрудник Музея как к представителю торгового сектора Госиздата по поводу предоставления Музеем книг, он заявил, что «должен прежде всего защищать интересы торгового Сектора». И это говорил родной брат писателя, в память которого устраивался Музей.

Тем не менее Михаил Павлович в письмах к сестре писал «о своих обидах и огорчениях». 2 июля 1923 года М. П. Чехов писал сестре: «Сегодня день памяти Антона. В чеховском музее назначено торжественное заседание. В газетах — афиши. Будут доклады. Между прочим, читает лекцию Потапенко. Меня же не пригласили. Ни гу-гу. Точно я не существую. Кажется, они обижаются на меня за то, что я выпустил книжку об Антоне. Они тоже выпустили книжку “Чехов и Короленко” в одно время с моей. Моя-то прошла, а их засела»***. Рассказывал он, как он спасал Марии Павловны «достаток»****, когда на него никто и не покушался, передавал в Музее слова сестры о том, что передачу архива она считает «ужасной ошибкой».

Лейтнеккер прямо написал М. П. Чеховой: «Около общественного алтаря нас может объединять лишь правда» — и честно и объективно дал оценку Михаилу Павловичу, не стараясь ни очернить его, ни оправдать: «По сей день считаю его дельным человеком и даже дельцом, верю в его практический смысл и отношусь с вниманием и сдержанным уважением к этим

---

* ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 67.

** Там же.

*** См. об этом: Кузичева А. П. Чеховы... С. 322.

**** Имеется в виду мебель Марии Павловны, которая и была сохранена в основном благодаря усилиям музейщиков — ее вещам, как пишет Лейтнеккер, был составлен особый инвентарь.

способностям; убежден, что семью свою, и только ее, он любит так же, как самого себя, что Московский Музей его не интересуется и сейчас, что к Ялтинскому дому-музею он имеет несколько специфический, не общественный интерес, что изданиями Музея по Чехову он интересуется тоже специфически, по-родственному и, самое главное, что воспитательство А<нтон> П<авлович> к нему, как человеку совершенно другого строя, не пристало. С ним интересно, он образован и наблюдателен, подкупает кипучестью и быстротой действий», однако «войти в существо нашей работы, — как отмечает далее Лейтнеккер, — ему мешает прежде всего его душа, которая полна совершенно других запросов и иных интересов. Но и по сей день уверен, что наша задача — организаторов Музея — прощать и не замечать заблуждения, ошибки и недостатки ближних и дальних и, по возможности, привлекать их к делу. Это я делаю и буду делать».

И все же Лейтнеккер подчеркивает: «Правдой я не поступлюсь и, если ради нее придется пожертвовать близостью к работе Музея, предпочту последнее». И в конце письма приписка: «Простите за это длинное и м.б. жесткое письмо, с которого в виду его важности для меня, я оставляю у себя копию*. Я не мог не коснуться вопросов, затрагивающих мою честь и доброе имя, как общественного работника».

Как восприняла Мария Павловна это большое и довольно непростое письмо, видно из следующего письма Лейтнеккера: «Я был бы счастлив, бесконечно счастлив, если бы Ваши письма говорили бы об отношении ко мне, как к брату. Это Ваши слова. Но в них звучало, к сожалению, иное. Но ведь они могут быть другими в дальнейшем <...> Бесконечно дорожу Вашим доверием и буду дорожить <...> Мы должны друг друга поддерживать, должны верить друг другу и идти во всем навстречу.

Я так устал, так измотался, что дальше идти некуда. И если в чем-либо был резок и несдержан, не осудите. И Ваше письмо, хоть и есть в нем капля упрека, я воспринял хорошо, чисто, бодро. Я причинил Вам боль, а Вы сдержали себя и ответили мне спокойно: следовательно, мы не чужие друг другу и можем работать вместе. Вот что ободряет меня»**.

Михаил Павлович по своим внутренним причинам раздувал конфликт между Марией Павловной и Лейтнеккером. И добился своего. 22 июня 1923 года Мария Павловна написала брату: «Пока существует г. Лейтнеккер при чеховском деле, мы с тобой будем всегда гонимы и наша скромность, и то, что мы не лезем на вид, будет нам всегда поставлена в минус, а нашу простоту поймут как интригу. Г-н Лейтнеккер

---

* В следующем письме Лейтнеккер Марии Павловне пояснит: «Когда я писал о том, что оставляю у себя копию письма, я думал не о потомстве, а о своей ответственности за него, — проверка себя временем» (ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 67).

** ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 67.

составит себе блестящую карьеру и серьезное положение, и никто не будет знать, что он обобрал меня дочиста, взял все, что я хранила и собирала долгие годы... Даже моя лампа, подарок Киселёвых, оказалась музейным экспонатом и т.д. <...> Если Богу угодно сохранить чеховский Дом и поддержать мои силы на старости, значит будет так, а нет — его Святая Воля! <...> Что касается моей жизни, то я хотела бы знать, что Дом Чеховых будет обеспечен хотя скромно и что я смогу остаток своих дней прожить в нем и умереть с сознанием, что памятник этот будет сохраняться и без меня, но упаси Боже не Лейтнеккером!»*

Бескорыстный помощник**, друг, брат вдруг превратился в «злого гения». И хотя Евгений Эмильевич работал, «как подсказывают совесть и чуткость» (цитата из его письма), бережно хранил архив в музее, конфликт назревал. Дело же было в самом факте хранения архива в музее. В августе 1923 года Мария Павловна пишет жене Михаила Павловича Ольге Германовне, живущей в Москве: «Я главным образом должна быть в Москве по музейным делам. Нужно вырывать рукописи и письма, похищенные у меня из сейфа и хранящиеся теперь в Госархиве. Их хотят печатать, а там самые интимные письма ко мне и вообще много, очень много рукописей и фотографий. Разбойники!»***

Евгений Эмильевич понимал суть конфликта: «Смущают фразы все того же лица (Михаила Павловича Чехова. — *Н. И.*), которое, конечно, кроме циничной критики моей работы в своем обиходе, уплотняет ее, очевидно, и свои письма к Вам. Они не смущают, а возмущают душу. По его мнению у Вас всё отняли и это всё будет печататься и издаваться для славы и наживы чужих людей. Это вздор, которому название: ложь. И Вы осведомлены о том, что Вам, как лицу, передавшему архив, будет выделен авторский гонорар****. Ради дела, ради грядущего его умоляю

---

* Цит. по: Кузичева А. П. Чеховы... С. 404.

** Лейтнеккер бескорыстно и скрупулезно выполнял любые поручения и просьбы Марии Павловны. Именно к нему она обращалась в самые тяжелые минуты: «Сама я здесь мученица, окружена жуткими людьми и жизнь моя висит на волоске... Голодаем, денег нет, хлеб 100 тысяч фунт <...> Никакой защиты, никакой охраны и ни единой близкой души! Прошу Вас, пришлите мне денег, только с надежным лицом и поскорее. Не могу больше, не выдержу <...> Хлопочите. А главное, поспешите с деньгами, умоляю!» (ОР РГБ. Ф. 331. К. 33. Ед. хр. 13).

*** РГАЛИ. Ф. 2540. Оп. 1. Ед. хр. 520.

**** Сытин за издание переписки Чехова и Короленко выдал 3 миллиарда рублей. За редактирование и статью уплатил Музей Пиксанову, Фридкеку за подготовку материалов и примечания, машинистке, Марии Павловне, как пишет Лейтнеккер, — «за труд по охране архива и сбору писем Короленко в 6-ти томном издании <...> Я решил отказаться от всякого гонорара за организацию этого предприятия; не оберешься разговоров всяких доброжелателей» (ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 67).

Вас не поддаваться этим наговорам, а все свои сомнения, желания, неудовольствия и пр. передавать нам, работающим в Музее, просто и без обиняков»*.

Состоялся на некоторое время разрыв Лейтнеккера с Михаилом Павловичем, о чем Евгений Эмильевич написал в Ялту: «Всегда чувствую и на себе несколько грустный взгляд А<нтон> П<авловича>. Это подлинно, он иногда смотрит на всех нас, суесящихся и что-то делающих для него и его имени... Если бы люди были проще и чище! Если бы хорошая цель достигалась бы всегда хорошими средствами. Пошло все, и все на свой размер. Надоели знаменитости, надоели их себялюбие и карьеризм, хвастливость и, порой, духовная поверхностность»**.

Отношения между Михаилом Павловичем и Лейтнеккером через некоторое время, казалось бы, восстановились, Михаил Павлович писал ему по-прежнему внешне дружелюбные письма, поздравлял с праздниками, приглашал на пикники за город, отвечал на вопросы музейщиков о Чехове. В одном из писем, сохранившихся в архиве Н. И. Гитович, Михаил Павлович пишет Лейтнеккеру: «Большое Вам спасибо за Ваши хлопоты, дорогой Евгений Эмильевич, и при этом хлопоты, вовсе мною не заслуженные. Вы заботились обо мне даже тогда, когда я еще не был знаком с Вами. Очевидно, у Вас от природы такое доброе сердце <...> А затем — большое, громадное и глубокое, как Черное море, спасибо. Крепко жму руку. Ваш М. Чехов» или в другом письме: «Вас же я глубоко-глубоко, от всей души и от всех моих помышлений благодарю за участие. Чем я отплачу Вам? Хватит ли моей благодарности за Ваши хлопоты?»***

Но при этом продолжал в своей семье, у Марии Павловны поддерживать другое представление о Лейтнеккере.

В 1980-е годы от наследников Михаила Павловича Чехова в Дом-музей А. П. Чехова в Ялте были переданы записи воспоминаний Марии Павловны****, сделанные Сергеем Михайловичем Чеховым в 1947–1948 годах с ее слов*****, в этих же папках и воспоминания самого Сергея Михайловича. Все эти материалы требуют очень осторожного отношения к себе, сличения фактов и тщательного комментирования. В воспоминаниях С. М. Чехов пытается показать особую роль отца,

---

* Там же.

** Из письма 18 ноября 1922 г. // ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 66.

*** Цитаты из писем 15 мая, 24 мая 1929 г.

**** Хранятся папки с материалами воспоминаний Сергея Михайловича Чехова и в Мелиховском музее.

***** Марии Павловне в это время исполнилось 84 года или 85 лет.

Михаила Павловича Чехова, в деле сохранения и становления Музея в Ялте, в составлении отчетности, изданий Музея. А в высказываниях Марии Павловны Чеховой, записанных Сергеем Михайловичем, Лейтнеккер снова предстает совершенным злодеем: «Мария Павловна по настоящий момент говорит:

— Самой подлейшей личностью в моей жизни был Лейтнеккер. Я никогда ничего не ненавидела, но об этом человеке не могу вспоминать без содрогания. Семье Чеховых Лейтнеккер причинил неисчислимые несчастья. — Это ее подлинные слова»*. И далее следуют упоминания о том, что в 1921 году в Москве Мария Павловна «стояла в одной из комнат ЛИТО, прислонившись к косяку двери и рыдала, в то время как Лейтнеккер выносил пачками бумаги Антона Павловича и фотографии, изъятые в 1918 году из сейфа Марии Павловны.

Она говорила ему тогда:

— Дайте же это мне, ведь это же мое!

Но он не дал ей даже прикоснуться»**.

Этого не было и не могло быть, потому что весной 1922 года Мария Павловна сама писала Лейтнеккеру: «Самое существенное погубило в сейфе Джемгарова. Два с половиной месяца в Москве*** я старалась найти хотя что-нибудь — был последний ответ великих мира сего — “сейф обезличен”».

Письма Антона Павловича ко мне и другим лицам признаны государственной собственностью и теперь хранятся в Гохране. Я их видела и трепетными руками сама положила в картонный ящик, который выпросила у заведующего, т.к. они были небрежно сунуты в стенное отверстие, много не достает, прямо сердце кровью обливается, как вспоминаешь пережитое в Москве! <...> Если бы я не увозила по настоянию покойного В. В. Каллаша из Ялты все эти рукописи и реликвии, то все было бы цело»****.

Публикация каких бы то ни было архивных материалов без должного комментирования, как мы видим, не только искажает правду, но способна опорочить честное и доброе имя человека. Причем на мнения

---

* Чехова М. П. Сейф № 315. Воспоминания в записи С. М. Чехова / Публ. Г. А. Шалюгина // Чеховские чтения в Ялте: Чехов и XX век. Вып. 9. М., 1997. С. 238.

** Там же. С. 247. В повторной публикации этого материала Г. А. Шалюгин, желая «смягчить» правду, заменяет в воспоминаниях С. М. Чехова фамилию Лейтнеккер на слово «чиновник» (Шалюгин Г. А. Чехов: «жизнь, которой мы не знаем...». С. 268). Но ведь такое обращение с документом совершенно недопустимо!

*** По-видимому, имеется в виду август 1921 г., когда Мария Павловна с Луначарским искала комнату для вещей после национализации своей квартиры.

**** Кузичева А. П. Чеховы... С. 403.

будто бы авторитетных специалистов начинают ссылаться малоквалифицированные неофиты, придавая им совсем уголовный характер. «Лет десять назад Шалюгин опубликовал воспоминания М. П. Чеховой о том, какую неприглядную роль в судьбе чеховского наследия сыграл некто Евгений Эмильевич Лейтнеккер. Он состоял в ее ялтинских знакомцах — он же позднее участвовал в экспроприации чеховских бумаг, фотографий, рукописей. Мария Павловна специально приехала в Москву, чтобы вернуть украденное» *.

Так начинает создаваться миф из ложно изложенных, ложно понятых и уже сознательно ложно интерпретируемых фактов, которые сами становятся источником ложной информации, и миф превращается в не бывший в реальности, отныне кем-то приписываемый ей факт.

Ведь суть конфликта между Чеховыми и Лейтнеккером состояла в *разном* отношении к Чеховскому наследию и, видимо, разном отношении к делу. С созданием Всероссийского Музея как научного центра по изучению Чехова, Чехов переставал быть собственностью своей семьи, лишал ее возможности единоличного владения именем и тех дивидендов, которые оно дает родственникам. По мнению же Лейтнеккера, «иметь архив и держать его под спудом нельзя», его «надо издавать, чтобы личность Чехова открывалась читателям». Чеховы же не хотели подобных публикаций. Назревало их разногласие с музеем, с исследователями, разногласие, повторяющееся почти в каждом подобном случае с наследниками великих и просто известных людей, когда встает вопрос о передаче архива государству.

Лейтнеккер одновременно с изучением, описанием чеховского архива начал огромную работу со всеми современниками Чехова, их родственниками, хранившими письма писателя. Для этого он привлек лучшие научные силы России — Пиксанова, имеющего опыт академического издания Грибоедова, участников пиксановского семинара, куда входила К. М. Виноградова, Е. Н. Коншину. Что-то получалось в дар, что-то выкупалось. Эта кропотливая работа, начатая Е. Э. Лейтнеккером, проводилась воспитанными им сотрудниками музея постоянно.

---

* *Егорова Т.* Заказное литературоведение или «литературное наперсточничество»? // Брега Тавриды. 2008. № 5. С. 217–218. Определение «некто Лейтнеккер» ясно указывает, что для Егоровой это имя окрашено тем негативом, который почерпнут из публикаций Шалюгина. Ситуация тем более парадоксальная, что Т. Егорова, живя в Ялте, занимает общественную должность руководителя ялтинского литературного объединения им. Чехова, а не так давно узнав о существовавшем с 1917 г. Ялтинском Литературном обществе им. Чехова, она же инициировала переименование своего литобъединения в «Литературное общество им. Чехова», тем самым фактически объявила себя преемницей Е. Э. Лейтнеккера.

В сборе воспоминаний современников Чехова роль Евгения Эмильевича поистине неocenима. Некоторых мемуаристов он буквально уговорил написать воспоминания.

Шла огромная работа и по собиранию экспонатов — писем, картин Николая Павловича Чехова (некоторые были приобретены у дочери Дюковского*), книг — формировалась уникальная библиотека! Неocenимый вклад внес Ю. В. Соболев, подаривший Музею свое уникальное собрание о Чехове.

Евгения Эмильевича, как это явствует из писем к нему и воспоминаний, уважали, ему доверяли, в его бескорыстии и честности не сомневался никто, кто знал, как идет создание музея. Но конфликт с Михаилом Павловичем Чеховым и осложнившиеся на время отношения с Марией Павловной Чеховой стоили ему немало нервов и душевного покоя. Для того чтобы скомпрометировать Лейтнеккера, Михаил Павлович не гнушался ничем. Можно только догадываться, чего стоила Евгению Эмильевичу история с пропавшими письмами Чехова к Лике Мизиновой. Вот что об этом вспоминала Н. И. Гитович, тогда уже сотрудница чеховского музея: «Мария Павловна прислала для музея с братом Михаилом Павловичем чемодан с подлинниками писем Чехова к разным лицам, в том числе к Лике Мизиновой. И вот писем к Лике в чемодане не оказалось. Были огромные волнения и неприятности. И только через 20 с лишним лет выяснилась судьба пропавших тогда писем. Когда Гослитиздат готовил Полное собрание сочинений и писем Чехова в двадцати томах, все тексты публикуемых писем сверялись с подлинниками <...> Михаила Павловича давно уже не было в живых. Сведения об архиве давал нам его сын — Сергей Михайлович. Вот в архиве Михаила Павловича и “нашлись” пропавшие тогда письма Чехова к Лике»**. Передавая чемодан в Музей, Михаил Павлович предварительно извлек оттуда письма к Мизиновой и оставил их у себя, зная, какие неприятности последуют для Музея.

Одно из условий, выдвинутых Е. Э. Лейтнеккером с самого начала, было сформулировано так: «Только научно устраивать музей и только научно печатать его труды». Именно Евгений Эмильевич первым поставил вопрос о возможности подготовки и издания академического издания собрания сочинений и писем Чехова.

Вот как формулировались им «Ближайшие задачи Музея Чехова в Москве»***:

---

* Дюковский М. М. (1860–1902) — педагог, друг семьи Чеховых.

** Гитович Н. И. Из записей последних лет // Чеховский вестник. М., 2003. № 12. С. 79.

*** ОР РГБ. Ф. 331. К. 104. Ед. хр. 34.

«9 августа 1923 г.

1. Издать Чеховский сборник на русском, нем<ецком> и англ<ийском> яз<ыках>, в кот<орые> войдут неизд<анный> эпистолярный, Чех<овские> тексты и документы, восп<оминания> и пр. Уже есть до 15 печ<атных> листов. Просить Вл. И. Немировича-Данченко, Станиславского, А. М. Пешкова и др. принять участие.

2. Издать академич<еское> собр<ание> соч<инений> со всеми биографич<ескими> и библиографич<ескими> работами (к 20-летию смерти Ч<ехова>). Коншина — варианты, по рукописям — раб<ота> Масанова. Ред<актор> — Пиксанов».

Само привычное теперь словосочетание «Летопись жизни и творчества писателя» было впервые произнесено еще в начале 20-х годов...

Идея организации «спутниковых» объединений (ученых, писателей, артистов, режиссеров) — Общества им. А. П. Чехова, Общества А. П. Чехова и его эпохи — также принадлежит Евгению Эмильевичу Лейтнеккеру.

В январе 1922 года в Москве, где еще свежи были следы гражданской войны и ужасающей разрухи, силами, которые группировались вокруг Московского Художественного театра, и музейными работниками, создававшими в это же самое время Музей А. П. Чехова, было организовано Общество им. А. П. Чехова. Через несколько месяцев эта общественная организация свое существование прекратила по причине неправильной его регистрации, но уже 9 ноября того же года состоялось собрание учредителей «Общества А. П. Чехова и его эпохи». Оно проходило под председательством Вл. И. Немировича-Данченко, а в числе первых его учредителей были Н. К. Пиксанов, Н. Д. Телешов, Ю. В. Соболев, Л. П. Гроссман, И. Н. Потапенко, Н. И. Гливенко, С. А. Детинов, Е. Э. Лейтнеккер, Ф. Н. Михальский, В. А. Брендер, Г. И. Россолимо, И. А. Белоусов, В. В. Вересаев, В. Л. Львов-Рогачевский, В. И. Аванесов, С. Л. Разумовский, А. В. Бакушинский. Всего в Обществе при его организации состояло 74 члена. Это были театральные, литературные, научные, музейные деятели Москвы. Кроме перечисленных выше — здесь имена Н. С. Ашукина, Э. А. Брендера, В. А. Гиляровского, Н. К. Гудзия, Е. Н. Коншиной, В. А. Симова, А. В. Средина, П. Н. Сакулина, Л. М. Фридкина, М. А. Чехова, Ф. О. Шехтеля и др.

На том же собрании были сформулированы задачи общества:

«Всестороннее изучение жизни и творчества Чехова и его эпохи (80-е, 90-е гг. XIX ст. и начало 1910-х гг.) со стороны литературной, философской, исторической, архивно-библиографической, общественно-культурной и пр.; широкое распространение сведений по этим вопросам;

всестороннее содействие в научно-культурной и практической деятельности Музею им. Чехова в Москве, Ялтинскому Дому-музею им. Чехова, Центральной Государственной библиотеке на Южном Берегу Крыма им. Чехова, ее филиалу — Аутской Чеховской библиотеке, Таганрогскому Музею и Библиотеке им. Чехова и другим учреждениям и организациям, связанным с жизнью и творчеством Чехова и его современников <...> Общество собирает и систематизирует рукописные и печатные материалы, реликвии и др. предметы с целью передачи их музеям Чехова; предпринимает исследования, относящиеся к изучению жизни и творчества Чехова и его эпохи; предпринимает печатание произведений Чехова и его современников, сочинений о нем и его эпохе, печатает научные труды своих членов или содействует помещению их в других изданиях современной печати, издает сборники, альманахи и пр.; устраивает научные заседания для заслушивания докладов и сообщений, организует семинары; содействует развитию музеев и учреждений, связанных с именем Чехова».

Был создан Совет Общества, первым председателем которого стал Вл. И. Немирович-Данченко, товарищами председателя — И. Н. Потапенко и Ю. В. Соболев, ученым секретарем — Е. Э. Лейтнеккер, казначеем — Ф. Н. Михальский.

За первый год своего существования Общество оказало поддержку Музею-выставке им. Чехова, открытому в 1922 году в помещении Музея Западной живописи на Пречистенке; предприняло шаги по охране Мелиховской усадьбы Чехова и устройству в ней музейного чеховского уголка; оказало серьезную материальную поддержку Ялтинскому Дому; вело научно-исследовательскую и популяризаторскую работу; было прочитано несколько десятков докладов и проведено несколько вечеров, собиравших до 150 человек.

Тематика докладов и тематических вечеров была разнообразна и имела общую установку — восстановления, как бы мы сказали сегодня, реального исторического контекста эпохи, давшей человечеству Чехова.

Себе Евгений Эмильевич отводил скромную роль ученого секретаря, но на свои плечи возлагал практически всю работу — от научной (разработка тематики заседания Общества) до технической (оповещение об очередном заседании)*.

Вот одно из бесчисленного множества писем, разосланных Лейтнеккером:

---

* Цитата из письма Лейтнеккера Марии Павловне 22.II.1922 г. свидетельствует, насколько ответственным, требовательным к работе он был: «Пока Обществом я не особенно доволен; мало в нем молодежи, мало энергии и веры, оно несколько старческое, медлительное. Понемногу вербую новых членов. Надо набрать живых, ярких, энергичных людей!» (ОР РГБ. Ф. 331. К. 92. Ед. хр. 64).

«20.XII.1922.

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич*, не откажите, как можно скорее, уведомить меня, согласны ли Вы принять участие в вечере воспоминаний об А. П. Чехове, имеющем быть 3 января в Политехническом музее. В нем примут участие:

Россолимо Г. И. “Воспоминание об А. П. Чехове университетского товарища”.

Телешов Н. Д. “Две встречи”

Потапенко И. Н. “Чайка” и петербургские актеры”

Вересаев

Немирович В. И.

Гиляровский В. А.

Вечер устраивает импрессарио С. Е. Долидзе, который даст Чеховскому музею 2 миллиарда гарантированных. К завтрашнему дню он ждет ответа. Ваше имя украсит афишу и углубит содержание вечера, а Музей долго будет помнить эту помощь в самую трудную минуту. Пожалуйста, в случае согласия, черкните тему Вашего выступления, как это сделали другие участники. Мой телефон на всякий случай — 2-63-40. Если не будет меня, вызовите Ольгу Спиридоновну (жену) или Святослава (моего пасынка). Привет.

Уваж. Вас. Е. Лейтнеккер»**.

Только один перечень тех ученых заседаний впечатляет! Эта сторона истории чеховедения нам практически неизвестна, как неизвестно и то, что Евгением Эмильевичем был создан передвижной Музей Чехова.

Удивительный человек, концептуального мышления, во многом опережающий свое время, фонтанирующий идеями, казавшимися многим осторожным современникам нереальными, несбыточными, и щедро раздаривающий их...

12 лет Лейтнеккер отдал организации и руководству литературным чеховским музеем, а работать приходилось в чрезвычайно трудных условиях. Но за эти годы литературный музей «стал живым участком культурного фронта», накопил опыт массовой и научной музейной работы.

Поражает, что многое из будущего музееведения, чеховедения было увидено на самой заре создания музея Чехова. А некоторые идеи и предложения Е. Э. Лейтнеккера еще только ждут своего воплощения.

Современники, свидетели этого настоящего подвижничества Евгения Эмильевича знали истинную цену того, что сделал Лейтнеккер,

* Имеется в виду И. А. Бунин.

** РГАЛИ. Ф. 66.1.75.

понимали суть конфликта между ним и Чеховыми. Позволим себе привести отрывок из письма С. А. Детинова* к Марии Павловне Чеховой, в котором деятельность Лейтнеккера была оценена очень высоко и непредвзято.

«Глубокоуважаемая Мария Павловна.

Ваше письмо от 22-го августа и приложенную при нем смету на ремонт Дома-Музея А. П. Чехова в Ялте я получил. В настоящее время выяснилось из разговоров с С. П. Григоровым, что на ремонт Ялтинского Дома-Музея А. П. будет ассигновано Наркомпросом, к сожалению, только 150 миллионов рублей.

Михаил Павлович, по приезде своем из Крыма в Москву, был у меня в Отделе и мы говорили о нуждах Ялтинского Музея <...> То обстоятельство, что Центр в настоящее время слишком урезан в кредитах и лишен поэтому возможности удовлетворить местные нужды так, как это требует настоящее положение дела, затрудняет, в свою очередь, и Отдел в свободном распоряжении отпускаемыми ему кредитами. Тем не менее я должен по справедливости отметить, что Дом-Музей А. П. Чехова в Ялте пользуется вниманием Отдела не менее, чем и другие крупные наши музеи, имеющие определенное общегосударственное значение.

Повторяю, — общее положение Наркомпроса, безусловно, тяжело отражается и на местных музеях, и наш Отдел принужден поэтому искать выход в разрешении финансового вопроса <...>.

Так понемногу мы выбираемся из того тяжелого материального положения, в котором, в силу общих условий, как и вся наша страна, вот уже пять с половиной лет продолжают оставаться и все наши музеи. Но дружными усилиями мы надеемся побороть нашу общую разруху и выйти, в конце концов, из тяжелого материального положения, одинаково испытываемого и всеми другими учреждениями страны.

Нельзя скрывать и того обстоятельства, что, наряду с затруднениями чисто материального характера, нам приходится почти всегда остро испытывать нужду и в людях, искренно преданных делу и самоотверженно, в невероятно тяжелых условиях работающих в данное время в наших учреждениях. И в большинстве случаев наличие в учреждениях таких преданных делу людей, я бы сказал, — энтузиастов, несмотря на тягчайшие

---

* ОР РГБ. Ф. 331. К. 89. Ед. хр. 26. В архиве Н. И. Гитович сохранилась копия этого большого письма, сделанная ее собственной рукой, что свидетельствует, насколько важно оно было для нее. Сергей Агапович Детинов — один из ведущих работников Главмузея — управляющий делами Главмузея в 1920-е гг. Именно он помогал искать и выбивать помещение под чеховский музей, посылал с Евгением Эмильевичем телеграмму в Ялтинский ревком о защите Чеховского Дома, способствовал вызову-выезду Михаила Павловича в Москву, содействовал передаче Чеховского архива из Гохрана в музей, помогал выбивать деньги на ремонт ялтинского Дома после землетрясения, пытался восстановить добрые отношения между Чеховыми и Лейтнеккером.

материальные затруднения, решает участь того или другого художественного учреждения и предопределяет всю его дальнейшую судьбу.

Великое счастье для учреждения, когда в числе сотрудников последнего находятся такие преданные делу лица, такие энтузиасты, которые спасают положение и обеспечивают дальнейшее существование данного учреждения.

В течение последних пяти с половиной лет, в невероятно тяжелых условиях революционной эпохи, я сталкивался, в силу своего официального служебного положения, с сотнями и тысячами людей, имел возможность наблюдать их во все моменты их деятельности в наших музеях, организовывавшихся и формировавшихся в исторический момент грандиозной ломки всех раньше существовавших правительственных и общественных учреждений, разрушения уклада всей нашей жизни, и должен по совести сказать, что немногие из них почетно вынесли тяжелое испытание и остались преданными тому делу, за которое некогда взялись и которое героически вели несмотря ни на какие невзгоды, личные материальные лишения и порою полное отсутствие так необходимой им в то время моральной поддержки. Но в этом и заключается вся ценность этих людей, выдержавших нечеловеческий экзамен на преданность и верность делу, которое они отстаивали и, в полном смысле этого слова, спасали. Какая выявляется перед нами удивительная красота нравственного облика этих энтузиастов, этих преданных делу людей, забывших, во имя великой идеи, руководимой ими в данном деле, и свое личное благополучие, здоровье, и отдавших во имя этой же идеи даже всю свою жизнь!

Как мы все должны гордиться, да и не только мы, а вся русская культура, вся страна должна гордиться, ценить, имея в своей среде таких энтузиастов, таких исключительных, преданных делу людей, спасающих в полном смысле этого слова, — русскую культуру...

Дорогая Мария Павловна! Оглянитесь на пройденный путь. Вспомните все препятствия, которые приходилось Вам лично преодолевать на пути к организации Музея имени Антона Павловича как в Москве, так и в Ялте. Взвесьте все обстоятельства, которые неизбежно и неотступно сопутствовали делу создания Чеховского музея. И что же?! Фундамент заложен, брошенное семя дает ростки. Идея, так привлекавшая всех нас и еще недавно казавшаяся несбыточной, — осуществилась, приняв вполне конкретную форму, и в дальнейшем нам остается так же настойчиво, я бы сказал — так же самоотверженно следовать раз поставленной нами цели. Но без борьбы, без жертв ничто не дается, особенно теперь, в нашу великую революционную эпоху!

И я должен сказать по совести и с чувством глубокого удовлетворения и нескрываемой радостью еще раз подтвердить перед Вами, что среди преданнейших делу создания Чеховского Музея в Москве, а также делу поддержания от разрушения Дома-Музея Антона Павловича в Ялте, — Евгений Эмильевич Лейтнеккер является ПЕРВЫМ, блестяще выдержавшим тягчайший экзамен, какой только может поставить или выдумать сама жизнь бурного революционного периода, экзамен на звание действительного, искреннего и самого преданного друга Музея, преданного бескорыстно

и во имя его забывшего даже свое личное благополучие, здоровье, не бросавшего его во все тяжелые моменты его организации, когда (а это бывало очень часто!) казалось всем нам, что дело — почти безнадежно, что нет ниоткуда поддержки и руки опускались в тоске и отчаянии.

Великое счастье для Музея иметь такого энтузиаста, честнейшего друга, не покидавшего его в те времена, когда другие, менее мужественные, более малодушные, в силу тех или других обстоятельств, отстаивая исключительно свои личные интересы, спешили устраиваться на более, простите за грубое слово, — «хлебных местах» в надежде, может быть, когда-нибудь, когда кончится тяжелая година, снова вернуться к своей прерванной работе. Но как нельзя требовать от всех людей, чтобы они были героями, так несправедливо и было бы недостойно нас, близко и непосредственно принимающих участие в деле организации Чеховского Музея, забывать действительные заслуги, прямо скажу, — редких людей (к каким я отношу и Е. Э. Лейтнеккера), ради благородной идеи создания большого и культурного дела, забывавших свои личные интересы, ибо то, что вынес на себе в продолжение двух тяжелых лет этот энтузиаст, — каким я считаю Е. Э. Лейтнеккера. — конечно, не под силу ординарным людям, работающим исключительно в масштабе и из побуждений личного характера, а также далеким от жертвенного горения во имя четко осознанной общественности...

Признаюсь, я испытываю тяжелую душевную боль и чувство гнетущей досады, когда вижу, что то, что сделал и что делает Евгений Эмильевич, не всегда находит достойной, справедливой оценки и должного, вполне заслуженного признания... Но я ни минуты не сомневаюсь, я глубоко верю, что пройдут годы и личность Евгения Эмильевича, его роль в деле первоначальной организации и дальнейшего создания Московского Чеховского Музея, а равно создания Общества Друзей Музея, выявится в полной мере и получат должную и справедливую оценку со стороны объективных и далеких от личных симпатий и антипатий судей. Время, этот суровый и неумолимый судья, произнесет свой приговор и скажет свое веское слово: кто прав. Но и теперь, отбрасывая все личное, а потому случайное, уже нельзя не признать той громадной работы общественного значения, которая выполнена Евгением Эмильевичем в деле организации Чеховского Музея в Москве. Без него, — я это определенно утверждаю и подчеркиваю, — не было бы того Музея, какой имеется уже налицо, да и вообще все дело создания Чеховского Музея пошло бы совершенно иным путем и (как знать!) быть может, было бы уже сдано в архив, как, к сожалению, сданы в архив или находятся в состоянии анабиоза некоторые из наших Музеев, возникших или организовывавшихся в наш бурный революционный период.

В подтверждение моей мысли и для ее иллюстрации можно было бы привести сотню примеров, когда личность в том или ином общественном деле прямо определяла или успех, или полный провал данного дела, несмотря на всю его казавшуюся жизненность и общественные к нему симпатии... Простите, дорогая Мария Павловна, что я так много распространяюсь на эту, может быть, несколько неприятную тему, но я все еще нахожусь под чрезвычайно угнетающим меня впечатлением нашего последнего раз-

говора с Михаилом Павловичем; разговора, показавшего, к сожалению, что в основе взаимоотношений его, а может быть, и Ваших, к Е. Э. Лейтнеккеру лежит досадное непонимание, может быть, основных задач Чеховского Музея и слишком субъективное, я бы сказал — слишком родственное — отношение к личности Антона Павловича, который, как бы то ни было, рассматривается НАМИ в исторической перспективе, ибо он — уже достояние истории. И в том большом и культурном деле, в котором мы все принимаем так или иначе посильное участие, хотелось бы видеть больше сплоченности и искреннего желания полного и беспристрастного выявления всем нам дорогой, обаятельной личности Антона Павловича, выявления всего характера его многогранного творчества и той определенной роли, какую сыграл он в русской общественности последнего периода. И поэтому нам, стоящим в Центре у большого дела и относящимся с глубоким благоговением к памяти Антона Павловича и по мере своих сил старающихся оказать возможное в условиях современности содействие в деле создания достойного имени Антона Павловича памятника, как Московский Музей его имени, — далеко не безразлично как Ваше, равно как и Михаила Павловича отношение к тому, кто в тяжелые, бурные революционные годы на своих плечах выносил безропотно, самоотверженно всю тяжесть черной, не всегда замечаемой многими, неблагодарной, но крайне необходимой работы по созданию Музея, бескорыстно отдавая ему все свои надломленные болезнью силы. И поэтому было бы крайне желательно, я считаю даже необходимым для самого дела, если бы Вы совершенно откровенно сообщили бы мне или Е. Э. Лейтнеккеру — какая именно причина замечающегося с некоторого времени Вашего неудовольствия его деятельностью. И лично я, во имя успеха общего и дорогого всем нам дела, — создания Музея имени Антона Павловича в Москве, — считал своим нравственным долгом осветить перед Вами и эту, может быть, не совсем радостную сторону нашей общей работы, необходимым условием продуктивности которой является чуткое и доверчивое отношение друг к другу всех принимающих в ней участие.

Заканчивая письмо, я не могу не отметить также, что в настоящее время представляется полная, и притом конкретная, возможность установления тесных деловых отношений между Ялтинским Домом-Музеем Антона Павловича и Московским Музеем. Благодаря хлопотам последнего, Народный Комиссариат Внутренних Дел разрешил легальную деятельность Общества А. П. Чехова и его эпохи в Крыму, в частности, в Ялте. Следовательно, Ялтинскому Дому-Музею в его настоящем тяжелом материальном положении может прийти на помощь крымская местная общественность. И для этого следовало бы организовать Ялтинское Отделение Общества, что и наметил в свое время и теперь выполнил бы с большой охотой Московский Музей. Кроме того, Е. Э. Лейтнеккер предполагает, в случае Вашего согласия, поднять вопрос об издании специального Чеховского Сборника под Вашей редакцией, сбор с которого пошел бы в пользу Фонда Ялтинского Дома-Музея. Вообще московский Музей всегда и постоянно выдвигал и намечал возможные меры улучшения материального положения

Чеховского Музея в Ялте. Но все эти проекты не могли быть выполнены в виду того, что устав Чеховского Общества до сих пор не был легализован.

У деятелей Московского Музея имеется самое чуткое и внимательное отношение к Ялтинскому Музею. И в этом нельзя сомневаться. И мне тем более тяжело быть свидетелем каких-то неровностей, какие замечаются между этими двумя близкими по духу и по цели учреждениями. Е. Э. Лейтнеккер говорил мне не раз, что он был бы рад сделать все для того, чтобы эти неровности были изжиты.

В самом деле, если центр может дать вместо требуемых на ремонт 900 миллиардов только 150, — организация общественной помощи Ялтинскому Дому-Музею в виде создания в Ялте Отделения Общества А. П. Чехова и его эпохи является единственным практическим выходом из создавшегося критического положения, в котором находится вверенный Вам такой культурный памятник, как Дом-Музей Антона Павловича.

Искренно уважающий Вас
и преданный С. Детинов
Москва, 12 сентября 1923 г.»

Само дело жизни Е. Э. Лейтнеккера, его подвижничество должны получить в конце концов должную и справедливую оценку — пора признать ту громадную работу, которая выполнена Евгением Эмильевичем и в деле организации Чеховского музея в Москве, который сразу мыслился как музей Чехова и его эпохи и потому-то стало возможным преобразовать его в Государственный Литературный музей, в создании Мелиховского музея, Обществ Друзей Музея.

Архивных материалов из истории создания чеховских музеев и обществ, по разработке литературных экспозиций, апробации разнообразных форм научно-просветительской работы много. Если они будут когда-нибудь опубликованы и добросовестно откомментированы — мифы рухнут сами собой, историческая справедливость будет восстановлена, и еще раз мы получим урок того, что честность, порядочность, бескорыстие необходимы в любом деле созидания.

